

Се Янь больше не возвращался к игре в гольф.

Он извинился и сказал, что ему нужно уйти пораньше. Господин Ван, заметив его скверное расположение духа, не стал настаивать и проводил его до выхода из гольф-клуба.

Цинь Энэ долго смотрел ему в спину, и его взгляд медленно опустился на кроссовки, мерно двигавшиеся в такт шагам мужчины.

Какая ирония, подумал он. Бренд, который он с таким трудом привез из-за границы в надежде, что Цуй Хао примет его подарок, в итоге стал брендом, который Цуй Хао сам купил и подарил Се Яню.

Знать бы заранее — лучше бы он тогда вообще ничего не привозил.

Се Янь сел в машину и вернулся домой.

Перед тем как войти, он долго стоял у порога.

Он не знал, как смотреть в глаза Цуй Хао.

Как сказать ему, что кроссовки, которые тот подарил, не продержались и дня, прежде чем превратиться в это?

Он стоял в безмолвии и лишь спустя долгое время наконец решился войти внутрь.

Цуй Хао в гостиной не было. Пользуясь редким выходным от подработки, он в это время спал в спальне на втором этаже.

Се Янь облегченно выдохнул, прошел в ванную комнату на первом этаже и принялся чистить обувь.

Он не смел прикладывать слишком много силы, боясь испортить материал.

Средство для мытья посуды, стиральный порошок — Се Янь перепробовал всё, методично и непрерывно оттирая пятно.

Но оно никак не поддавалось.

Желтое пятно нагло и цепко въелось в белую поверхность, ни в какую не желая исчезать.

Щетка в руках Се Яня постепенно начала выходить из-под контроля. В его глазах теперь существовало лишь это грязное желтое пятно.

Почему оно не отчищается?

Он не понимал, ну почему оно не отмывается?!

Он нажал сильнее, яростно и грубо скребя поверхность.

Мощная струя воды ударялась о кроссовок, разлетаясь брызгами во все стороны: на края раковины, на руки Се Яня и на его белый спортивный костюм.

Цуй Хао, проснувшись, спустился вниз за напитком и услышал какой-то шум в ванной. Он открыл дверь и увидел Се Яня, который, оказывается, уже вернулся.

Руки мужчины были по локоть в мыльной пене, а белый костюм намок огромным пятном.

Цуй Хао быстро подошел ближе. Се Янь поднял голову и увидел его.

Вода из крана смыла пену с его рук, а вместе с ней унесла и ту вспышку неконтролируемого бешенства и раздражения.

Он смотрел, как Цуй Хао шаг за шагом приближается к нему, и его настроение из одной крайности провалилось в другую.

— Вы вернулись, — сказал Цуй Хао.

Он бросил взгляд в раковину — там лежали те самые кроссовки. Испачкались?

Цуй Хао подошел вплотную и протянул руку:

— Давайте я помогу.

С этими словами он перехватил у Се Яня щетку и обувь.

Се Янь внезапно заговорил:

— Они мне больше не нужны.

Он повторил:

— Эта пара... я её не возьму.

Цуй Хао растерялся:

— А?

Се Янь ничего не объяснил. Он развернулся и вышел прочь.

Ему с самого начала не следовало их принимать.

Вещи, которые ему не принадлежат, не удержать, даже если они попали в руки.

Он должен был знать это. Должен был давно осознать.

Вокруг было столько людей, но сок вылился именно на его кроссовки. Именно в первый же день, когда он их надел. Именно тогда, когда он эгоистично решил оставить их себе.

Даже само небо не выдержало и таким способом напомнило ему, наказало его, сказав: не смей мечтать о несбыточном, не смей жаждать того, что тебе не по праву.

Он не заслужил. Никогда не заслуживал.

Поэтому они ему больше не нужны. В конце концов, он и не должен был их получать.

Он сдался.

Цуй Хао смотрел вслед уходящему мужчине, на лице которого застыло выражение полного отчаяния и душевной пустоты. У парня в голове роились одни вопросы.

Всего-то обувь испачкалась. Отмоем — и будут как новые, к чему такой трагизм?

Он со вздохом принялся за дело.

Чистка обуви порой требует сноровки, особенно когда дело касается выведения пятен. У Цуй Хао в этом деле явно был талант, поэтому спустя короткое время от апельсинового сока на поверхности не осталось и следа.

Он вынес кроссовки на балкон, аккуратно обернул бумагой и оставил сушиться.

Только закончив всё это, он нашел время, чтобы пойти к Се Яню.

Однако Се Янь снова заперся в кабинете.

Цуй Хао было неловко мешать человеку во время работы, поэтому, как только Се Янь уходил в кабинет, парню оставалось только ждать в спальне.

Коротая время, он получил звонок от Цинь Эня.

— Старшекурсник, — вежливо поздоровался Цуй Хао.

— Это я, — Цинь Энь смотрел на белые кроссовки на официальном сайте и спросил, не дарил ли Цуй Хао такую пару Се Яню.

— Да, — не стал отрицать Цуй Хао.

— Ты специально подрабатывал, чтобы заработать ему на них? — взгляд Цинь Эня переместился на цену, указанную на сайте.

Цуй Хао: «...Откуда он знает? Се Янь рассказал?»

— Угу, — Цуй Хао стало немного неловко. — Вы что, виделись сегодня?

Иначе когда бы у Се Яня была возможность обсудить это с Цинь Энем.

— Виделись, — ответил Цинь Энь. — Кто-то случайно испачкал его обувь, он очень разозлился. Тот человек сделал это не нарочно, я заступился за него, и тогда он рассказал мне всё это.

Цуй Хао подумал: «Вот оно что». Оказывается, Се Янь действительно дорожил этой парой.

— Он сделал это специально, — продолжал Цинь Энь. — В тот раз, когда мы играли, он тоже нарочно сказал мне, что кроссовки, которые ты подарил мне, выбирал он и оплачивал тоже он.

— А? — Цуй Хао был поражен. Се Янь и такое ему наговорил? — Я просто боялся, что мой выбор будет слишком детским, вот и попросил его помочь. Думал, он лучше знает твои вкусы.

— А ты не боишься, что твой выбор для него окажется слишком детским?

Цуй Хао моргнул и спросил:

— А они выглядят по-детски?

Цинь Энь: «...»

— Нет, — глухо ответил Цинь Энь. — Цуй Хао, если бы это было возможно, я бы тоже хотел,

чтобы мои кроссовки выбрал ты сам. Даже если бы они были совсем детскими.

Цуй Хао подумал, что это как-то неправильно. Раньше он не знал, что Цинь Энь из богатой семьи, но теперь-то знал. Если подарить ему что-то слишком простое, над ним же смеяться будут.

— Мне кажется, те, что он выбрал, вполне симпатичные, — искренне сказал Цуй Хао.

Иначе он бы не стал их дарить Цинь Эню.

Цинь Энь, слушая эти простодушные слова, помолчал немного и всё же спросил:

— А если я захочу пару, которую ты выберешь лично для меня, ты согласишься?

Цуй Хао: «...»

Цуй Хао чувствовал, что в этом нет никакой необходимости. Он подарит Цинь Эню одну пару, тот в ответ подарит другую — и так без конца, по кругу. К тому же, даже если он выберет сам, деньги всё равно будут Се Яня. Не идти же ему на еще одну подработку, чтобы купить подарок Цинь Эню? У него просто нет на это времени.

Цинь Энь, не дождавшись ответа, и сам всё понял.

После ухода Се Яня он бесконечно успокаивал себя, даже пытался внушить себе, что Се Янь, возможно, солгал. Что Цуй Хао не покупал ему ту обувь, и уж тем более не вкалывал ради неё на подработке. Се Янь просто хотел его унижить, и всё это — лишь выдумка ради насмешки.

Поэтому он и позвонил Цуй Хао, надеясь услышать опровержение. Хотел, чтобы Цуй Хао сказал: «Нет, я никогда этого не делал».

Но реальность оказалась полной противоположностью его ожиданиям.

Цуй Хао действительно любил его. Поэтому он делал всё для Се Яня сам, жертвовал временем и силами ради его улыбки.

Мальчик, который ему нравился, не любил его в ответ.

Цинь Энь, подавляя горечь, тихо произнес:

— Я понял.

Он повесил трубку и в тишине опустился на диван.

Цуй Хао посмотрел на телефон и тяжело вздохнул. Он почувствовал, что Цинь Энь расстроен, но ничего не мог с этим поделать.

В жизни есть вещи важные и второстепенные, люди близкие и далекие. Се Янь для него определенно был гораздо важнее Цинь Эня.

А сейчас... Цуй Хао повернулся к двери спальни. Этот «гораздо более важный человек» всё еще сидел в кабинете и не желал выходить.

Цуй Хао посмотрел на время и пошел готовить ужин.

Когда всё было готово, он постучал в дверь кабинета:

— Пора ужинать.

— Ешь первый, — Се Янь не отрывался от монитора.

Видя это, Цуй Хао не решился мешать ему работать и спустился ужинать один. Он оставил порцию еды для Се Яня, но тот так и не вышел, не говоря уже о том, чтобы поесть.

Он не голоден? Или всё еще переживает из-за тех кроссовок?

Цуй Хао вспомнил его тяжелое лицо в ванной и фразу «они мне больше не нужны». Он спустился на балкон первого этажа.

Послеобеденное солнце было ярким, и обувь уже высохла. Цуй Хао снял бумагу — белые кроссовки сияли как новые, не осталось и тени бывшего пятна.

С обувью в руках он подошел к кабинету, постучал и вошел.

Се Янь удивленно поднял на него глаза. Цуй Хао всегда знал меру и редко заходил в кабинет без спроса. Обычно он просто стучал и стоял в дверях или заходил лишь на шаг.

Но сейчас он уверенно шел прямо к нему.

Се Янь заметил в его руках ту самую пару. Кровь снова забурлила от раздражения.

Цуй Хао поставил кроссовки на пол и улыбнулся:

— Я всё отчистил. Они сохли весь вечер и теперь совсем сухие.

Се Янь опустил взгляд. И правда, те пятна, что под его руками казались невыводимыми, под руками парня исчезли без следа.

Подобное тянется к подобному. Он и эти пятна на самом деле ничем не отличались. Оба лишь пачкали чужие жизни.

— Я же сказал, они мне больше не нужны, — Се Янь отвернулся к компьютеру.

Его пальцы быстро застучали по клавишам.

Цуй Хао не видел, что там на экране, и лишь повторил:

— Я их вымыл.

— И что с того? — бросил Се Янь. — Мне они не нужны.

Цуй Хао не понимал:

— Но вы ведь уже приняли их.

— Я передумал, — отрезал Се Янь.

Цуй Хао смотрел на его лицо — оно было спокойным, как гладь воды, без единой эмоции, холодным и жестоким. Он смотрел только в монитор, позволяя холодному свету экрана отражаться в глазах.

Цуй Хао был в замешательстве. Он ведь уже принял подарок! Почему вдруг такая перемена? Не потому ли он так разозлился, когда их испачкали? Тогда почему сейчас отказывается?

Потому что даже чистые, они больше не новые? Побывали в грязи, стали «бу», и поэтому он их не хочет? Но зачем тогда он сам полез их стирать?

Цуй Хао стоял у стола в тишине. В комнате слышался только стук клавиш.

— Можешь идти, — бросил Се Янь.

Но Цуй Хао не хотел уходить. Он смотрел на мужчину и вдруг вспомнил историю, которую когда-то слышал от однокурсников.

«Одна девушка потратила все сбережения на туфли люксового бренда. Она их обожала и берегла до дня рождения. Но в тот день пошел дождь, туфли промокли и испортились. Она не могла смириться — такие дорогие вещи, почему качество такое дрянное? Она пошла в бутик требовать объяснений. А ей ответили: целевая аудитория этих туфель не ходит в них под дождем. У них есть машины, их довозят до дверей. К тому же у них столько пар обуви, что, надев эти сегодня, завтра они наденут другие».

Тогда Цуй Хао не до конца это понимал, но сейчас, кажется, осознал. У Се Яня в шкафу столько обуви, он не нуждается в этой дешевой паре. То, что он её принял — случайность. Теперь, когда она испачкалась и перестала быть новой, его отказ закономерен. Тем более что она ему изначально была не нужна.

Но зачем он тогда её стирал? Разве не для того, чтобы снова надеть?

Цуй Хао не мог найти ответ. Но чувствовал — Се Янь действительно больше не хочет их брать. Он не сводил глаз с экрана, даже не глядя на парня, стоявшего рядом. И уж тем более на обувь у своих ног.

— Господин Се? — Цуй Хао вдруг обуяло любопытство. — А сколько обычно стоит обувь, которую вы носите?

Се Янь обернулся.

— Если те, что я подарил, вам не подходят, то какую цену мне стоит рассматривать, чтобы подарок был вам нужен? Пятьдесят тысяч? Сто пятьдесят? Или пятьсот тысяч юаней?

Се Янь: «...»

Он никак не ожидал таких слов. Пальцы на клавиатуре едва не дрогнули. Что это значит?! Он что, собрался дарить ему еще более дорогую обувь?!

Се Янь был просто напуган этой мыслью. Глядя в серьезные и проницательные глаза Цуй Хао, он слышал в голове только одно: останови его, немедленно останови.

— Мне ничего не нужно.

— Даже за пятьсот тысяч не нужно?

Се Янь внезапно вскипел:

— Ты больной?! — он начал сыпать грубостями. — Цуй Хао, у тебя с головой всё в порядке? Ты

хоть понимаешь, что несешь? Ты забыл, сколько у тебя денег? Если я скажу, что ношу туфли за пять миллионов, ты что, собрался еще раз продать себя мне, чтобы их купить?

Цуй Хао: «...»

Цуй Хао показалось, что тот слишком много надумал.

— Я хочу использовать свои деньги, а не ваши. Когда я выпущусь, я буду ходить на кастинги. Думаю, смогу заработать пятьдесят или сто пятьдесят тысяч. Если повезет — может, и пятьсот. Но пять миллионов — это невозможно, так что мой предел — пара сотен тысяч.

Се Янь: «...»

Се Янь подумал, что парню пора показаться врачу. Окулисту! Собрался тратить сотни тысяч на обувь для него! Только слепец мог до такого додуматься!

— Зачем ты мне их покупаешь? У тебя есть семья, сестра, которая тебя любит, племянник. Покупай им, а не мне! Зачем мне это?! Разве я этого заслуживаю? Стою ли я твоих усилий?!

Се Янь смотрел на него, боясь услышать еще какую-нибудь глупость:

— Уходи отсюда.

— Само собой, я куплю подарки сестре и Цуй Цую, но это не мешает мне сделать подарок и вам.

— Мне не нужно.

— Значит, вы можете его не принимать, — ответил Цуй Хао. — Но я могу его подарить. Дарить подарки — это моя свобода, не принимать их — ваша. У меня есть право дарить, у вас — право отказывать.

Се Янь: «...» — он просто указал на дверь: — Вон.

Видя, что Се Янь окончательно вышел из себя, Цуй Хао не стал спорить. Он развернулся к выходу. Но стоило ему сделать шаг, как Се Янь окликнул его:

— Забирай свои кроссовки.

Цуй Хао: «...Видимо, и правда совсем не нужны». Он со вздохом поднял обувь с пола и вышел.

Се Янь проводил его взглядом. Когда дверь закрылась, он в ярости застыл у стола, едва сдерживаясь, чтобы не смахнуть всё на пол.

О чем он вообще думает? Почему после всех его слов он всё еще хочет делать ему подарки? Цуй Хао ведь не святой альтруист. Почему тогда он не дарит ничего Цинь Энью?

Се Янь достал сигарету и снова закурил. Иногда ему казалось, что Цуй Хао — непрошибаемый «натурал», совершенно лишенный чуткости. Ведь Цинь Энь смотрит на него так, что искры летят, а Цуй Хао видит в нем лишь старшекурсника. Даже подарок ему делает из вежливости, стараясь не ошибиться, и просит совета у него, Се Яня.

Но в другие моменты парень казался пугающе проницательным. Он раз за разом бил в самую цель, в самое сердце. Что бы Се Янь ни говорил, Цуй Хао словно пропускал мимо ушей его

ложь и наносил сокрушительный удар искренностью.

Как сейчас. Се Янь только-только заставил себя сдаться. Только убедил себя. А Цуй Хао парой фраз легко расшатал его с таким трудом обретенную решимость.

Пятьдесят, сто пятьдесят тысяч... О чем он только думает, как он смеет?! Он сам себе никогда не покупал таких дорогих вещей, а ему — хочет!

Се Янь жадно затанулся, пытаясь унять дрожь в душе. Он правда хотел сделать ему подарок, который бы ему понравился. Поэтому и спросил про цену. Он думал, что Се Янь отказывается, потому что подарок слишком дешевый и он им брезгует.

Как такое возможно?

В памяти всплыло упрямое и серьезное лицо парня. Разве мог он счесть «дешевкой» то, на что Цуй Хао так упорно зарабатывал? Се Янь и сам когда-то носил обувь за десять юаней. И если бы Цуй Хао сегодня подарил ему вещь за такую цену, он бы счел её бесценной. Ведь в ней была его душа. Разве может это быть дешево?

Се Янь курил полночи. Когда Цуй Хао прислал сообщение: [Уже 12. Вы еще не идете спать?], он ответил: [Спи первым].

Цуй Хао: «Ну ладно. Уже вторую ночь спим порознь. Если так пойдет и дальше, я не прочь продать себя еще на год — деньги из воздуха!»

Цуй Хао лежал в постели, решив, что раз Се Янь не хочет — значит, не хочет. Когда-нибудь он заработает больше денег и купит то, что Се Яню точно понравится, не стоит заикливаться на этих кроссовках. Он закрыл глаза и уснул.

Се Янь же ушел в гостевую комнату. Он долго ворочался, не в силах уснуть. Без привычного тепла рядом сон никак не шел. Он снова и снова прокручивал в голове их разговор в кабинете. Вспоминал свои слова. Тогда, чтобы отвести парня, он наговорил всяких гадостей. А теперь, лежа один, мучился вопросом: не слишком ли сильно он его обидел?

Цуй Хао когда-то говорил ему, что нельзя сначала бить палкой, а потом давать сладкую конфету. Конфета-то сладкая, но удар палкой — это по-настоящему больно.

Был ли это удар? Больно ли ему сейчас?

Се Янь не находил себе места. Он боялся, что Цуй Хао больно. Боялся, что тот тоже не может уснуть. Боялся, что в темноте он вспоминает его слова и думает: «Действительно, он скверный и неисправимый человек». Боялся, что, пользуясь его отсутствием, парень тихо плачет в подушку.

Но тут же одергивал себя: так даже лучше. Цуй Хао должен наконец увидеть его истинное лицо. Увидеть его низость, коварство, его неблагодарность. Должен понять, что он не стоит его искренности.

Пусть поймет, проснется утром, раздвинет шторы и увидит, как прекрасен мир без него. Зачем тратить на него время? Пусть в его сердце не останется больше ни капли доброты к нему. Пусть просто проходит мимо, не замечая.

Так будет лучше всего.

Се Янь лежал, глядя в пустоту ночи, не понимая, чего на самом деле хочет его сердце.

На следующее утро, в девятом часу, он вышел из гостевой комнаты и неожиданно столкнулся в коридоре с Цуй Хао. Тот с удивлением посмотрел на него, не ожидая, что он выйдет оттуда.

Почему он спал в гостевой? Раньше, даже если задерживался до полуночи, он всё равно возвращался в общую спальню. А теперь — гостевая? Из-за вчерашней ссоры? Се Янь обиделся? Но в таком случае он должен был выгнать в гостевую его, Цуй Хао, а не прятаться там сам.

Цуй Хао в недоумении подошел к нему. Се Янь снова весь напрягся. Он ждал: что тот скажет? Наверное, скажет, что всё обдумал и больше никаких подарков не будет. Или что он был прав — он не стоит его внимания.

Он ждал приговора.

Но Цуй Хао лишь спросил:

— Ты что, спал здесь всю ночь?

— Угу, — сухо ответил Се Янь.

— Почему не вернулся в комнату?

Се Янь промолчал.

— Боялся меня разбудить?

— С чего бы это, — Се Янь отвернулся.

Цуй Хао посмотрел на его бледное, осунувшееся лицо — видно было, что он не сомкнул глаз:

— Тогда, может, пойдешь в спальню и поспишь немного? Еще только восемь утра. Я приготовлю завтрак и позову тебя.

Се Янь: «...»

Он хотел было отказаться, но, обернувшись, встретил взгляд Цуй Хао — нежный, ясный, как чистая вода, способная принять в себя любую примесь и смыть любую грязь. Слова застряли в горле.

Се Янь молча направился к своей спальне.

Цуй Хао только что встал, и в постели еще сохранилось его тепло. Се Янь лег на то место, где спал парень, и закрыл глаза. Напряжение, копившееся всю ночь, начало медленно отпускать.

Он еще не успел провалиться в сон, как дверь снова открылась. Вошел Цуй Хао.

Се Янь вскинул брови: ?

— Я за посылкой ходил, — Цуй Хао поднял картонную коробку и поставил её на комод. — Еще только восемь, выходной всё-таки. Посплю еще немного, а потом пойду готовить завтрак.

Се Янь: «...»

Цуй Хао подошел к кровати, откинул одеяло и забрался внутрь. Он совершенно естественно лег рядом с Се Янем, прижавшись к нему. Воздух в мгновение стал теплее.

Се Янь услышал его мягкий голос:

— Почему ты вчера не вернулся? Подумал, что мы поссорились, и тебе стало неловко?

Се Янь молчал.

— Ну скажи хоть что-нибудь, — Цуй Хао слегка подтолкнул его.

Что сказать? Се Янь долго подбирал слова и наконец выдавил:

— Прости. Вчера я был не в себе.

Это было извинение, которое он задолжал Цуй Хао еще с вечера.

Цуй Хао кивнул:

— Да уж, заметно было.

Се Янь: «...»

В этот момент его снова охватила тревога. Ему захотелось уйти, он боялся, что Цуй Хао сейчас скажет что-то, чего он не хочет слышать. Но тело не слушалось, он замер, словно в ожидании удара гильотины.

— Раз уж ты сам признаешь, что вчера был не в духе, ответишь мне честно на один вопрос? В качестве искупления.

— На какой? — спросил Се Янь.

— Если тебе правда не нужны те кроссовки, зачем ты сам их стирал? — Цуй Хао всё не давал покоя этот вопрос. — Если бы они были не нужны, ты бы их просто выбросил или отдал мне. Зачем сам полез в воду?

Се Янь: «...»

Он не мог ответить. Не мог признаться: «Потому что я очень их хотел». Но и врать, как вчера, говоря «мне не нужно», он больше не мог. Цуй Хао просил ответить честно, в качестве искупления. Это слово «честно» сковало его по рукам и ногам.

Мужчина молчал, но Цуй Хао и так уже всё понял.

— Правда не нужны? — с улыбкой спросил он.

Се Янь не проронил ни слова. Но Цуй Хао получил свой ответ.

— Спи давай, — Цуй Хао тихо рассмеялся и весело обнял Се Яня.

Как ни странно, Се Янь порой бывал ужасно неуклюжим в чувствах. Цуй Хао подумал: это такое расстройство эмоционального самовыражения? Или просто одно из проявлений его психологических травм?

Засыпая, он сквозь сон почувствовал, как Се Янь обнял его в ответ. Обнял крепко-крепко, словно боясь, что тот исчезнет. Словно хватаясь за спасительную соломинку.

<http://bllate.org/book/17744/1696332>